№ 8 (32)
Апрель 1999

Право на свободу

Бюллетень Правозащитного Центра "Вясна—96"

"Чарнобыльски шлях-99", Минск, 25 апреля...

Дорогой скорби и горечи

Накануне 13-й годовщины чернобыльской катастрофы в Минске около семи тысяч человек прошли традиционным траурным "Чарнобыльским шляхом". Шествие началось с площади Якуба Коласа и прошло до Дворца спорта.

Минские городские власти не разрешили начать "шлях" от Академии наук, как это было в прошлые годы, в результате чего еще за полчаса до начала шествия произошел инцидент с молодежью. Несколько молодых людей все же пришли на проспект Скарыны к Академии наук, где и были арестованы восемь человек (среди них – двое несовершеннолетних и одна девушка). Четыре часа их продержали в отделе милиции и после окончания "Чарнобыльского шляха" отпустили, не составив протоколов о задержании. С молодофронтовца Сяргея Мацкойця милиционеры сняли камуфляжную форму, которая и послужила формальным поводом для ареста и сопровождения молодежи в отдел милиции.

В начале колонны участники несли икону Матери Божьей Чернобыльской и колокол, мерные удары которого пробуждали в присутствующих память и скорбь. За ними над колонной поднимались транспоранты с названиями беларусских городов и районов, которые в результате аварии на ЧАЭС наиболее пострадали.

Почтить память жертв мирного атома (и официального советского вранья) посчитали своим долгом Лявон Баршчэвски, Станислав Багданкевич, Сямён Шарэцки, Юрый Захаранка, Павел Казловски и многие другие деятели, которые либо всегда были в оппозиции к Лукашэнка, либо оказались в оппозиции из-за несогласия с его безумной политикой. По дороге к Дворцу спорта трое неизвестных мужчин набросились на молодофронтовца Аляксея Чарняева и пытались

(Продолжение на стр. 2)

Хроника

8, 9,12 и 14 апреля в Витебске милицией за одно и то же "нарушение" задерживались главный редактор независимой газеты "Выбар" Барыс Хамайда и председатель Рады БНФ "Адраджэньне" ("Выбар") Уладзимир Плешчанка. Они стояли в оживленном месте в центре города, продавали оппозиционные газеты, на груди у Б.Хамайда был плакат с надписью "Независимая пресса". В отделении милиции каждый раз на них составлялись протоколы за участие в несанкционированном пикете. В милиции их держали от одного до трех часов. Суд, который состоялся после первого задержания (8 апреля), признал их невиновными.

14 апреля в Витебске милицией был задержан гражданин Беларуси, житель Витебска Сцяпан Серабро. В его кармане нашли доллар США, на котором вместо портрета президента США находился снимок Сцяпана Серабро, а также похожую на доллар шуточную банкноту в 500 тысяч рублей. Против Сцяпана Серабро возбудили уголовное дело по ст. 84 Уголовного Кодекса РБ (изготовление и подделка денег с целью сбыта и наживы). Как заявил адвокат – это грубое нарушение закона и прав человека, так как Серабро не пытался сбывать эти "банкноты". Кстати, подобные купюры продаются во всех киосках Беларуси. На допросе Сцяпана избивали и настойчиво допытывались, не продал ли ему эти "деньги" главный редактор газеты "Выбар" Барыс Хамайда.

(Продолжение на стр. 6-7)

Насилие есть насилие...

Председатель Лиги сексуальных меньшинств Эдвард Тарлецки вновь акцентирует внимание общественности на проблемах дискриминации прав человека в Беларуси

В один из недавних выходных сотрудники милиции сделали налет на... баню, которая находится на улице Хмельницкого в Минске. Как оказалось, целью этого рейда было выяснение и задержание граждан нетрадиционной сексуальной ориентации, которые, по некоторым сведениям, выбрали эту баню в качестве места для знакомств. В результате от действий милиции пострадали обычные люди, которые пришли в тот день в баню с банальным желанием помыться...

После этого случая председатель Рады Лиги сексуальных меньшинств (ЛЯМБДА) Эдвард Тарлецки созвал представителей прессы, чтобы сообщить, что Лига начинает борьбу против очевидной дискриминации сексуальных меньшинств. Как известно, Министерство юстиции затягивает регистрацию Лиги, мотивируя это тем, что, согласно с последними изменениями в Законе об общественных объединениях, каждая организация должна представить в качестве основателей не менее 50 человек. Конечно, такое количество людей в Лиге есть, но господин Тарлецки считает, что принять это требование – значит подчиниться правовому беспределу, который осуществляется государством в отношении гражданских свобод.

Возмутила руководство Лиги недавняя конференция, проведенная по инициативе Беларусского экзархата РПЦ на тему “Пагубные последствия международных проектов полового воспитания”. Кроме того, что на этой конференции было решено противостоять разработанным ООН и ЮНЕСКО программам полового воспитания молодежи, звучали призывы к физическому уничтожению посредством смертной казни геев и лесбиянок, а также врачей, которые делают операции по искусственному прерыванию беременности. По мнению Эдварда Тарлецкого, то, что призыв к насилию звучит из уст священников, является нонсенсом.

Такая политика уже дала свои результаты. Запрещено выступать на Беларусском радио сотрудникам Сексологического центра Дзмитрыя Капусцина; министерство образования четвертый год не может ввести в школах дисциплину о половом воспитании, что противоречит принятым во всем мире нормам.

Лига планирует провести ряд пикетов по поводу провоцирования церковью гомофобии в обществе и отказа сексменьшинствам в регистрации организации. Также Лига будет действовать через Международную организацию геев и лесбиянок, членом которой является Лига, и которая участвует в работе ООН в качестве консультанта. “Очевидно, — говорит господин Тарлецки, — власти игнорируют тот факт, что Лига занимается не только психологической реабилитацией представителей сексменьшинств, но и помогает больным СПИДом, защищает людей, которых изнасиловали в тюрьмах”.

Также господин Тарлецки привел цифру, полученную им из конфиденциальных источников МВД: в течение прошлого года 19 граждан было убито за то, то они – геи. Милиция не скрывает этот факт, но демонстрирует нежелание придавать ему значение. Это, как говорит господин Тарлецки, просто вынуждает геев начать защиту самих себя – тем более, что в последнее время регулярно происходят нападения на них неофашистских группировок.

Ц. П.

Нападение на поэта

23 апреля в центре Минска был избит неизвестными поэт Славамир Адамович, который десять месяцев отсидел в тюрьме КГБ за написание антипрезидентского стихотворения. Инцидент произошел в подъезде дома на ул. Бобруйской, где в настоящее вре-мя размещается редакция газеты “На-ша Ніва”. Именно в редакцию и направлялся Адамович, когда в подъезде на него напали два человека (по наблюдениям Славамира, они словно кого-то ждали). Третий злоумышленник во время избиения С.Адамовича дежурил около подъезда. Поэту были нанесены легкие телесные повреждения.

Первоначально это нападение многими было приписано минскому филиалу профашистской организации РНЕ, члены которой несколько раз угрожали некоторым сотрудникам “Нашей Ніви” после публикации ряда материалов о русском фашизме. Около месяца тому назад баркашевцы даже нанесли визит в редакцию “НН” и заявили о захвате ими в заложники автора одного из материалов. Хотя заявление оказалось блефом, “заложник”, некогда лучший друг некоторых минских баркашевцев, выглядит сейчас довольно запуганным, а редакция получает угрозы по телефону. Вполне возможно, что фашисты выбрали для осуществления своих угроз на практике Адамовича .

Однако сам потерпевший в разговоре с корреспондентом “Права на свободу” отверг версию о причастности к его избиению РНЕ. По мнению господина Адамовича, причиной является его деятельность как секретаря минской городской комиссии по выборам президента; нападение – очередная акция режима по запугиванию активистов кампании. Неизвестные в гражданском скорее всего имеют непосредственное отношение к лукашенковским спецслужбам, считает С.Адамович.

Яна ЖДАНОВИЧ

Дорогой скорби и горечи

(Начало на стр. 1)

вытащить его из колонны. По словам секретаря Управы БНФ Алеся Чахольского, расчет провокаторов был, видно, на драку с дружиной Фронта. Но дружина исправно поддерживала порядок: своего товарища отбила, а провокаторов аккуратно и настойчиво отогнала подальше от места событий.

Митинг в этом году был как никогда коротким и немногословным. Мингорисполком сделал все, чтобы организаторы остались без звукоусилительной аппаратуры. Участники митинга почтили минутой молчания память Арнольда Пячэрского – руководителя профсоюза предпринимателей по Минску и Минской области “Садружнасьць”, который трагически погиб при загадочных обстоятельствах в автокатастрофе вечером 24 апреля. Католический и православный священники, отец Андрусь и отец Игар, помолились за судьбу Беларуси... Уже второй митинг подряд беларусская оппозиция проводит минуту молчания (на День Воли – по В. Чарнавилу, теперь – по А. Пячэрскому), а в перерыве между массовыми акциями мы потеряли еще и Генадзя Карпенка...

Больше всех сорванный властями митинг расстроил, как мне показалось, председателя российского “Антифашистского молодежного действия” Петра Казначеева. Во-первых, москвичи к нашим реалиям не привыкшие (пока не привыкшие?); во-вторых, Пётр признался, что на этот раз собирался выступить перед беларусами на беларусском языке. Готовился, готовился, а режим слова сказать не дал! Несмотря на то, что в прошлом году около пятнадцати российских антифашистов было арестовано после “Чарнобыльского шляха”, они приехали к нам опять, только их плакаты против интеграции с диктатором уже не содержали слова “идиот”. Зато не приехали, как ожидалось, некоторые известные политики из Москвы, а также ни одного гостя из Киева. Когда я увидела в море родных бело-красно-белых флагов желто-голубой, то выяснилось, что нес его наш минский украинец...

Т. С.

Исключен за инакомыслие

Конституция Республики Беларусь гарантирует каждому право на образование. Однако его совсем не гарантирует лукашенковский режим. Борьба с инакомыслием в аудиториях учебных заведений идет полным ходом. Исключение из ВУЗов молодых людей, несогласных с политикой Лукашэнка, становится все более частым явлением. Наш сегодняшний рассказ об одном из типичных случаев...

В конце февраля с факультета компьютерных систем и сетей Беларусского Государственного Университета Информатики и Радиоэлектроники был отчислен студент второго курса Герман Сушкевич. Официальная формулировка причины отчисления – "за академическую неуспеваемость". Однако при ближайшем рассмотрении дело вызывает вопросы – хотя бы потому, что по удивительному совпадению Герман является членом Молодого Фронта. Своих взглядов молодой человек никогда не скрывал и принимал активное участие во многих акциях: собирал подписи за освобождение политических заключенных (в частности, Аляксея Шыдловского и Вадзима Лабковича), за отставку президента Лукашэнка, вступление в гражданство БНР. После уличных митингов и шествий несколько раз попадал в милицию, но не из-за действительных нарушений порядка, а просто потому, что "хапун" в дни мирных выступлений оппозиции – в Минске явление уже почти будничное. С десятками и сотнями беларусов за последние годы случалось то же.

Сначала Германа спасал его возраст. Пока был несовершеннолетним, из милиции после задержания быстро отпускали и передавали протоколы на рассмотрение районной комиссии по делам несовершеннолетних. Каждый раз комиссия требовала у студента дать обещание "больше так не делать". Когда же ему исполнилось восемнадцать лет, одим из проявлений этого события стали трое суток за решеткой спецприемника-распределителя. Так власти сегодня "отмечают" 18-летие самой сознательной части граждан. Арестован Герман был после Дня Воли.

Нельзя сказать, что "отсидку" сразу заметили по месту учебы Германа. Никаких проблем при сдаче летней сессии он не имел. Возможно, факультетское начальство давало студенту шанс "исправиться"? – подумает кто-то и будет неправ. Так как начальство было в то время слишком занято другой "большой" проблемой. Именно весной 1998-го с того же факультета и курса исключили трех студентов – Алеся Мухина, Андрэя Гилевича и Павла Мурашка. Все они попали в милицию за надписи на стене "Жыве Беларусь!" и "Жыве НРМ!" и нарисованные рядом бело-красно-белые флаги. Эти три однокурсника Германа были осуждены условно.

А еще через полгода один из преподавателей факультета, господин Дземидович, наотрез отказался принимать у самого Германа зачет по программированию. На предыдущих сессиях по этому предмету Герман получал "отлично", но с начала 1999 года преподаватель только и говорил, что зачет ни в коем случае не поставит.

День, когда нужно сдавать зачет, был неизвестен. О зачете оповестили неожиданно, буквально за два часа до сдачи. Из-за этого, по словам Германа, он не успел подготовиться надлежащим образом. Студенты просили перенести зачет хотя бы на завтра. Но г-н Дземидович, известный в университете своим несгибаемым упрямством и принципиальностью, потребовал выполнить задания безотлагательно.

Оценив ситуацию, Герман понял, что сегодня получить хорошую отметку шансов мало. И, действительно, как и часть однокурсников, он ее не получил. В таких случаях ничего страшного не происходит: готовишься и пересдаешь, но... Герман Сушкевич не мог тогда знать, что скорее всего, его просто «ловили». После первой несдачи преподаватель Дземидович категорически не желал с ним даже говорить о зачете, а когда разрешил, наконец, пересдать – письменная работа "неугодного" студента неизвестно куда исчезла, и вместо нее в деканате хранилась та самая, первая, с ошибками, написанная без подготовки. Формально, таким образом, зачет сдан так и не был.

Заместитель декана факультета не допустил Германа к сессии. Несколько раз второкурсник писал заявления в деканат с просьбой назначить ему другого преподавателя, создать комиссию. Хотя в своих знаниях больше не сомневался, приходилось выпрашивать шанс сдать этот злосчастный зачет. Герман обращался в профком университета, к заведующему кафедры, проректору – все как бы сочувствовали на словах и "ничем не могли помочь" на деле.

Наконец "нечестного" студента допустили к экзаменам. За три дня он сдал три экзамена. И заболел. Пока выздоравливал, срок сдачи сессии закончился. В деканате на справку из поликлиники сказали: "Ваша справка нас не интересует". В это время зачет по программированию оставался "хвостом". Преподаватель Дземидович по-прежнему не хотел убеждаться в знаниях студента Сушкевича. Сроки сессии неумолимо "горели". Наконец 24 февраля, зайдя в деканат написать очередное заявление о замене преподавателя, Герман встретил декана Барыса Виктаровича Никульчына. Тот сообщил о приказе ректора об отчислении студента...

После того, как перестал быть студентом, Герман Сушкевич еще в большей степени столкнулся с открыто неприязненным, а порой просто враждебным отношением некоторых сотрудников бывшей "альма матер" к нему. В течение почти месяца, мотивируя это разными причинами, ему не хотели отдавать приказ об отчислении и другие документы. Однажды декан Никульчын вообще угрожал "выбросить из помещения" Германа, так как он "здесь больше никто". Хотя недавний воспитанник г-на Никульчына ничего плохого делать и не собирался – он попросил сделать для него копию приказа об отчислении, а когда в этой просьбе отказали, сел и переписал текст документа от руки. И обратился к декану, чтобы тот заверил копию своей подписью. Тот в ответ учинил скандал, обругал Германа. Восстановить учебу в университете в дальнейшем Герману было предложено исключительно на платной основе. Но, по словам декана Б.Никульчына, даже на этих условиях Сушкевича он к себе учиться не возьмет. Не нужен он тут – и все. Сказал, как связал.

А связь между судьбой Германа Сушкевича и биографиями его гонителей на самом деле просматривается. Герман мечтает жить в свободной, независимой, европейской Беларуси – господин Дземидович, который "принципиально" выжил его с факультета, не раз признавался: "Такой страны – Беларусь – не существует". А существует ли она для господина Никульчына, который в свое время приехал в Беларусь из России и именно в годы президентства Лукашэнка сделал в своей карьере крутой взлет? Тоже вопрос... Лишать национально сознательных студентов равного с другими права получать высшее образование – грустная тенденция наших дней. Но в Университете Информатики и Радиоэлектроники это, судя по всему, уже становится традицией. В отличие от других учебных заведений, здесь молодежь, любящую Беларусь, даже не пытаются защитить. Чиновники от образования, кадры старой коммунистической закалки, в руках которых сегодня многие судьбы, не задумываясь готовы выполнять любые приказы "сверху". Сейчас Герман Сушкевич продолжает работать, как он делал это и во время своей учебы. Его специальность – необходимость нашего компьютерного времени. "Найти работу – не проблема для меня, — говорит Герман, — но я хотел бы продолжать учебу". Таким как он сегодня хочется пожелать только одного: стать классными профессионалами своего любимого дела наперекор красно-коричневому режиму, который пытается лишить их будущего. А вместе с ними – всю Беларусь.

Тацяна СНИТКО

Погиб человек

Но виновных в его смерти... нет

I.

Двое граждан пили водку и запивали ее пивом. Это занятие было прервано третьим гражданином, которому тоже хотелось пива, но денег на это у него не было. Поэтому третий нахально-молча "отдолжил" у тех двоих кружку пива. Естественно, им такая невоспитанность не понравилась, и они этого гражданина выкинули из пивбара. Достаточно грубо вытолкали.

Тут уже обиделся он. Побежал домой, взял там кухонный нож и, вернувшись, всадил его одному из обидчиков в сердце. Врачи констатировали мгновенную смерть...

Уголовное дело по этому трагическому случаю рассматривалось в Мингорсуде несколько лет назад, но актуальности своей оно, к сожалению, не потеряло. Убийце, Эдуарду М., было в то время 18 лет, у убитого остались жена-алкоголичка и двое детей.

С точки зрения криминалистики преступление было несложным. Следователю нужно было формально правильно провести необходимые действия и передать дело в суд. Так и было сделано.

Суд, однако, вынес следующее постановление: "Освободить Эдуарда М. от уголовной ответственности за общественно-опасное действие..., которое осуществлено в состоянии потери памяти". Суд решил применить к убийце принудительное медицинское лечение. Тот оказался, как грубо, но точно говорят в народе, психом, ненормальным.

Каждый убийца проходит судебно-психиатрическую экспертизу. Тем более, после разговоров с Эдзиком у следователя появились определенные сомнения в его умственной нормальности. Заключение экспертов эти сомнения подтвердили: запальчивый, во время вспышек злобы себя не контролирует, у рта появляется пена, глаза становятся "безумными", продолжает считать, что сделал правильно: было за что.

Эдуард М. прошел стационарную экспертизу в Республиканской клинической психиатрической больнице, в так называемых "Навинках". Диагноз: врожденная умственная отсталость с психопатизацией личности по эпилептоидному типу.

Собственно дебильность не является основанием, чтобы считать человека больным. Но если она сочетается с психопатизацией личности, здесь вопросов нет. Психопаты делятся аж на 8 основных групп. Эдзик отнесен к эпилептоидам, признаки которых: крайняя раздражительность, приступы уныния, страха, гнева, нетерпимости, упрямства и, соответственно, обидчивость, жестокость, склонность к скандалам...

Каким образом общество получило такой опасный "подарок", своеобразную "бомбу", которая рано или поздно должна взорваться? Родился Эдзик в семье с тремя детьми. Родители пили, мать лишили родительских прав. Ходить начал в три года, тогда же – говорить. Воспитывался в круглосуточном детском саду. В школе с учебой были большие трудности. Семь классов окончил в школе-интернате для умственно отсталых детей. Часто конфликтовал с воспитателями и детьми. Убегал из школы. Запальчив, очень скрытен – так характеризовал своего воспитанника директор школы (после убийства).

Только на основании уголовного дела выясняется: Эдуард М. и до преступления был душевнобольным человеком. Во время судебной экспертизы психиатры только констатировали имеющийся факт. Который, кстати, ими до этого не был выявлен! Что в конце концов и привело к смерти ни в чем неповинного человека.

II.

Уже немного забылось, но раньше, в советские времена, психиатрии были присущи не совсем традиционные функции. Например, постановка человека на учет без согласия и даже без знания им этого факта. Абсолютно здорового человека, но – диссидента, т.е. критически оценивающего советскую действительность. Самым популярным диагнозом была "вялотекущая шизофрения". Психиатры не любят об этом говорить. Но это было. У меня хранится список незаконно репрессированных, который насчитывает около 150 человек. И это только те, в отношении которых можно доказать, что они совсем не больные. Их "болезнь", а соответственно, и вина заключается в протесте против существующей системы.

Сегодня бывшие функции психиатрии в Беларуси успешно выполняют другие карательные органы. Законодательство не разрешает принудительно лечить больных без их согласия или согласия родственников. Такого человека к психиатру могут привести родственники или милиция. В последнем случае – если признаки сумасшествия явные.

При этом нужно написать заявление на имя заведующего городским психдиспансером. Он дает разрешение на первый осмотр. Но принудительно отправить на лечение не имеет права и он. Это решает комиссия. Например, шизофреники, дебилы, имбецилы и невротики отпадают сразу. Лечение назначается в крайних случаях: убийство или покушение на него, попытка суицида. Характерно, что круг диагнозов, по которым сегодня ставят на учет, сильно сузился.

"Клиенты" психдиспансера делятся на 4 группы в зависимости от тяжести заболевания. Больных первой группы врач должен посещать дома раз в две недели, второй – раз в месяц... Реально положение выглядит, мягко говоря, хуже. Проблемы с транспортом и медикаментами ставят под сомнение данные о периодичности посещений. Бывают случаи, когда купировать обострение болезни невозможно из-за отсутствия транквилизаторов. Тогда случается непоправимое.

Самый известный случай последних лет – убийство больным своей матери и ранение сестры. Казалось бы, очевидно: без ошибки или недосмотра медиков здесь не обошлось. Но до суда дело не дошло – психиатрия дело тонкое. Например, считается, что предсказать обострение невозможно.

С этим, однако, трудно согласиться. При постоянном и внимательном наблюдении врач не может не заметить изменений в состоянии больного и принять соответствующие меры. Формально врача могут привлечь к уголовной ответственности по ст.177, 178 УК РБ. Например, за неправильный диагноз или лечение. Но парадокс в том, что доказать это могут только сами психиатры. Станут ли они "засуживать" коллегу, если сами могут оказаться на его месте?..

Но человек же погиб... Тут возникает серия новых вопросов. Какую меру ответственности несут за это родители убийцы? Или медики, которые осматривали Эдзика в детстве и ничего опасного для общества не нашли? А воспитатели школы-интерната, которые хорошо знали, что из себя представляет "скрытный" мальчик?

Суд не обсуждал и степень ответственности всех этих лиц и учреждений. Юридически виновных он не определил. Фактически же они есть. Виновата система психиатрической помощи, которая с советских времен мало в чем изменилась. Разве только по форме. Чаще всего психиатры занимаются констатацией фактов. Системы профилактики практически нет. Вывод: в полной мере степень ответственности должно нести государство, которое эту систему не создало.

III.

Однако, как говорится, время собирать камни.

Эдзик попал на принудительное лечение в спецбольницу, его "обидчик" – на кладбище. Со временем Эдзика переведут на более легкий режим в психиатрический диспансер "Навинки". В конце концов комиссия признает: наступила устойчивая ремиссия, больной может быть выписан под наблюдение районного психиатра: вернется жить среди нас. Обычно так и бывает. Лично мне не известны случаи, чтобы суд "копнул глубже", попытался выяснить степень ответственности врача-психиатра.

Что же делать в таком случае нам, простым гражданам, которые, даже не зная того, каждый день рискуют своей жизнью из-за незащищенности от подобных "эдзиков"? Рекомендую исходить из простой логики. Психиатрия финансируется из бюджета. Один из его источников – наши налоги. Другими словами, мы платим за то, чтобы государство через систему психиатрической помощи оберегало нас от встречи с ножом очередного "эдзика". Фактически, у нас есть право спросить с государства за моральный, физический и материальный ущерб. Если суд не может или не хочет найти конкретного виновного (а суд – учреждение тоже государственное), то, значит, мы можем совершенно спокойно переадресовать свои претензии государству. Поскольку государство у нас ассоциируется сегодня с одним человеком, который взял себе всю власть (значит, и всю ответственность), то судебные иски можно и нужно выставлять президенту страны. Во всяком случае, запретить это или отказаться их принять не может никто.

Возможно, это не выход. Но нужно же что-то делать. Так как гибнут ни в чем неповинные люди. И на месте потерпевшего в любой момент может оказаться каждый из нас.

Андрэй СЯРЖАН

О раскулачивании беларусского крестьянства в 30-е годы сказано и написано много. Но ошибкой будет считать эту трагедию фактом, который принадлежит прошлому. До сих пор потомки уничтоженных большевистской властью людей жаждут восстановления справедливости, требуя хотя бы материальной компенсации пережитого насилия, которая для многих из них, в большинстве своем людей уже пожилых и немощных, могла бы быть очень существенной по нынешнему времени поддержкой...

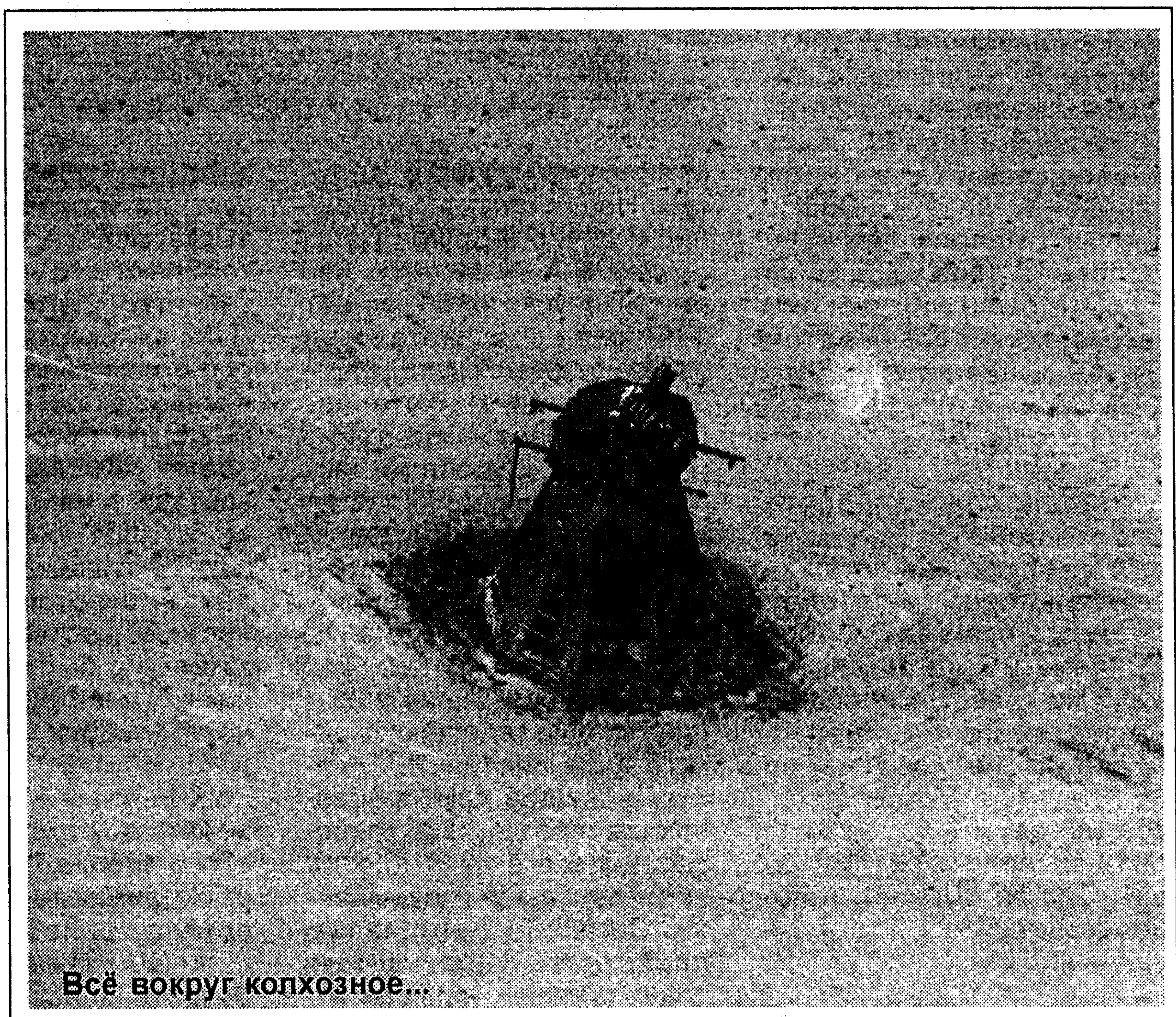
Игра в отписки

Сорок лет крестьянка Евфрасинья Гукава борется за свои права

Почти 40 лет ведет борьбу с властями крестьянка Евфрасинья Гукава. Она безуспешно требует справедливости от той власти, которая в 1933 году разрушила ее дом, поломав судьбу целой семьи. До сих пор не может она без слез рассказывать о когда-то пережитом...

Тогда ее семья жила в деревне Жарцы, которая находится на Полоччине. "Раскулачивание" пришло в ее дом, когда Евфрасиньне было шесть лет. Кроме ее в доме было еще 11 детей. Имелось и хорошее хозяйство – отец, "кулак" Амбросий, уважаемый в деревне человек, имел коня, корову, свиней.

Когда с криками и руганью "комиссары" все это забирали, жена хозяина втолкнула в ямы с картошкой маленьких детей – надеялась, что хотя бы они остановят преступников. Но "строители новой жизни" за волосы вытягивали детей из ям, не желая оставить семье даже остатки продуктов. Евфрасинья Амбросиевна на всю жизнь запомнила, как хватала за сапоги тех, кто разрушал хозяйство: "Дядечки, оставьте хоть что-нибудь, мы же с голаду умрем!" В ответ послышалось равнодушное: "Подыхайте!"

Всё вокруг колхозное...

До сих пор живы свидетели насилия, которое пережила в тот день семья Амбросия Зуева. По общим меркам того времени ей повезло – в Сибирь вывезли только отца, где он и пропал навек. Остальных оставили жить в разрушенном доме – правда, с запретом принимать жену "кулака" на работу в колхоз.

Пятеро младших детей семьи Зуевых умерли с голоду. Старший брат, 17-летний юноша, вскоре пошел вслед за отцом – кто-то из его бригады украл в колхозе мешок с зерном, а обвинили его. Остальных детей вырастили родственники. Что касается самой Евфрасиньи Зуевой (в замужестве Гукавой), впереди ее ждали не менее жуткие испытания. Во время немецкой оккупации она работала на офицерской кухне, где и стала однажды жертвой коменданта, который чуть ни до смерти затравил ее собаками. Спас другой немец – врач, который одну за другой делал многочисленные операции...

В 1960 году Евфрасинья Амбросиевна получила из Витебского областного суда бумагу, в которой указывалось, что "постановление Тройки при ПП ОГПУ по БССР от 26 декабря 1933 года прекращено за недоказанностью состава преступления"... В стране изменилось официальное отношение к массовым "преступлениям" и "наказаниям". Кто-то из родственников подсказал женщине, что она может потребовать от Советской власти материальную компенсацию за награбленное у ее семьи в 1933 году. Тогда и началась игра в отписки, которая длится до сих пор.

Передо мной стопка бумаг. Некоторые из документов совсем пожелтевшие, некоторые – с красно-зелеными регалиями администрации президента РБ – совсем недавние. Отличается на них только изображение государственного герба.

На первый свой запрос о возвращении имущества Евфрасинья Гукава получила ответ из УКГБ при Совмине БССР по Витебской области: "Сообщаем, что... ваше заявление рассмотрено и для окончательного решения вопроса направлено в Витебский областной финансовый отдел, откуда получите дополнительный ответ..."

"Дополнительный ответ" пришел 23 ноября 1960 года: "На ваше заявление сообщаем, что относительно конфискованного при аресте вашего отца имущества обратитесь в КГБ при Совмине БССР..."

И вновь объяснения дает КГБ. 29 декабря 1960 года служащий по фамилии Абнюх сообщает Евфрасинье Гукавой: "Материал нами проверен, и ваше заявление 10 октября направлено в финотдел Витебского облисполкома для решения вопроса. Другого решения относительно вашей просьбы УКГБ принять не имеет возможности..."

Но Евфрасинья Амбросиевна не сдавалась. После многочисленных запросов она получила, наконец, более "конкретный" ответ. 6 февраля 1961 года финотдел Витебского облисполкома сообщил ей: "...из имеющихся материалов по делу гражданина Зуева следует, что конфискованное у него во время ареста имущество передано в колхоз деревни Большие Жарцы. Согласно закону, требования безоплатно переданного имущества выказываются к той стороне, которая приняла это имущество..."

Далее в "переписке" женщины с властями наступает перерыв. Хрущовская "оттепель" закончилась. Да даже и почти неграмотной женщине нетрудно было понять, какими могут быть последствия дальнейшей борьбы. Возобновила она свои попытки только с наступлением другой "оттепели" – горбачевской.

"Комитет при Витебском Совете народных депутатов помощи в обеспечении прав жертв политических репрессий 20-80 годов... просит уточнить, отбиралось ли у ее семьи имущество, какое и куда оно попало. Материалы просим направить для рассмотрения..." – такой запрос был направлен к официальным властям. Шел уже

(Продолжение на стр. 7)

События Факты Комментарии

Пикет в Минске 22 апреля 1999-го года

(Начало на стр. 1)

14 апреля в Витебске в 24 часа в квартире, где находился брат Сцяпана Серабро, активист БНФ "Адраджэньне", Сяргей, инспектор милиции (ОБЭП) провел обыск. Были конфискованы компьютер, принтер, 50 компьютерных дискет, номера газеты "Выбар", письмо Хамайда к евреям мира в поддержку Ул. Плешчанка, который 7 месяцев необоснованно сидел в тюрьме. Обыск проводился будто бы на основании возбужденного против Сцяпана Серабро уголовного дела по ст. 84 УК РБ. Это было нарушением закона, так как обыск в этом случае должен был проводить следователь, который ведет это дело.

15 апреля на работе Сяр-гея Серабро милицией был конфискован компьютер, на котором он работал. 15 апреля братьев Серабро Сцяпана и Сяргея задержали на трое суток (содержали в спецприемнике-распределителе), обвинение им предъявили через 20 часов (по закону это должно быть сделано через три часа). Сяргей объявил голодовку и держал ее трое суток.

17 апреля в Гродно, во время проведения пикета в защиту польских школ, задержан председатель Союза поляков Беларуси Тадэвуш Гавин. 21 апреля в суде Ле-нинского района г.Гродно состоялось заседание по делу Тадэвуша Гавина. В постановлении суда сказано: "Тадэвуш Гавин, как организатор пикета 17 апреля, позволил использовать плакат следующего содержания: "Вице-премьер Замяталин У., зампредседателя облисполкома Бирукова М. и председатель Новогрудского райисполкома Лис А. душат польский язык". Суд посчитал, что тем самым Т.Гавин оскорбил служебных лиц. Т.Гавину вынесено административное взыскание в виде штрафа – 115 млн.руб. (примерно 300 долларов США).

21 апреля в Верховном суде начался процесс по уголовному делу об убийстве Явгена Микалуцкого, председателя Комитета государственного контроля по Могилевской области, депутата Национального собрания и личного друга президента РБ А.Лукашэнка. Явген Микалуцки погиб осенью 1997 года в результате взрыва радиоуправляемого взрывного устройства, установленного в подъезде дома, где он жил. Судебный процесс по этому делу касается трех жителей Могилева – Гаврылава, Радзиковского и Янчэвского, которым инкриминируется ряд преступлений. Одному из них предъявлено обвинение в осуществлении террористического акта против Я.Микалуцкого. Двое других обвиняются в подготовке террористического акта против президента РБ А.Лукашэнка. Согласно материалам следствия, у подсудимых конфисковано большое количество оружия (автоматы, гранаты) и средства для наблюдения и подслушивания. Судебный процесс закрытый, на него не получили доступа даже представители ОБСЕ в Беларуси Крыстафер Панико и Надзея Дударава.

В апреле возбуждено уголовное дело по обвинению в клевете в отношении адвоката Веры Страмковской. Уголовное дела возбуждено по ст.128 Уголовного Кодекса РБ, который предусматривает ответственность до трех лет лишения свободы, двух лет исправительно-трудовых работ или штраф. По словам прокурора Кировского района Могилевской области, уголовное дело возбуждено на основании заявления Анатоля Смаленцава – руководителя следственной группы по делу бывшего председателя аграрно-промышленного объединения "Рассвет" Василя Старавойтава. А.Смаленцав считает, что во время судебного процесса адвокат Страмковская допустила заведомо лживые высказывания, которые оскорбляют его честь и достоинство. Дело в том, что В.Страмковская задала вопрос о сохранности вещественных доказательств, которые были конфискованы во время обыска у В.Старавойтава, в частности, сорока бутылок коньяка "Белый аист". В.Страмковская утверждает, что вопрос о сохранности вещественных доказательств был поднят ей в рамках действующего законодательства.

21 апреля в 21.15 в центре Минска на ул.Варвашэни около завода "Горизонт" за расклеивание листовок с приглашением на традиционное траурное шествие "Чарнобыльски шлях-99", которое было разрешено горисполкомом и запланировано на 25 апреля, были задержаны члены Молодого Фронта Амбразевич Лявон (несовершеннолетний), Шарамет Михаил (несовершеннолетний), Кийко Наталля и Бяроза Юлия (совершеннолетние). Задержанные были доставлены в РОВД Центрального района г.Минска, где несовершеннолетних продержали полтора часа и отпустили, не сообщив родителям, а на Кийко Н. и Бяроза Ю. были составлены протоколы об административном правонарушении. У задержанных конфисковали около тысячи листовок.

22 и 28 апреля в Минске состоялись пикеты, организованные Правозащитным Центром "Вясна-96". На пикетах были использованы информационные стенды, которые содержали материалы, посвященные фактам нарушения прав человека в Беларуси.

25 апреля в Гродно примерно в 21.00 состоялось несанкционированное шествие молодежи, приуроченное к 13 годовщине чернобыльской катастрофы. Шествие проходило под национальными флагами. Не было никаких лозунгов и выкриков, участники шествия в полной тишине несли факелы – символ скорби по жертвам Чернобыля. В акции участвовало 38 человек. К колонне подъехала машина, из которой выскочили сотрудники милиции и начали тащить в нее людей. Через некоторое время на по-мощь милиции приехали омоновцы. При помощи дубинок и слезоточивого газа они начали разгонять шествие. Некоторые из сотрудников милиции были вооружены автоматами. Началась драка между демонстрантами и милиционерами, причем милиционеры нападали, а демонстранты защищались. В результате 14 человек (из них четверо – несовершеннолетние) были задержаны и доставлены в местный спецприемник-распределитель. Среди задержанных был и один случайный прохожий – житель г.Гродно И.Баранав, который не принимал участия в шествии и драке. Сотрудники милиции и ОМОН избивали задержанных в машинах по дороге в Ленинский РОВД г.Гродно. Двоим несовершеннолетним выстригли пряди волос. Трех парней забрала из РОВД "скорая помощь". Через некоторое время двое из них были возвращены в милицию, а 19-летний житель г.Минска был помещен в отделение травмотологии больницы "скорой по-мощи" – ударом сапога один из милиционеров сломал ему нос. Многие из участников акции были вынуждены обратиться за медицинской помощью. По словам свидетелей, у одной

девушки из Бобруйска – сотрясение мозга. 26 апреля состоялись суды над задержанными. Судья Ленинского районного суда г.Гродно Явген Казяк осудил четырех человек на двое суток административного ареста. Вообще, большая часть задержанных была осуждена на четверо суток ареста. И.Баранав был оштрафован на 1 млн.руб. 27 апреля двое осужденных, которые находились в изоляторе временного содержания при Октябрьском РОВД, были освобождены. 28 апреля были освобождены осужденные на 3 суток административного ареста.

25 апреля в Минске состоялось традиционное траурное шествие "Чарнобыльски шлях", посвященное 13 годовщине чернобыльской аварии. 8 участников акции были доставлены в РОВД Советского района. Если быть точным, то они даже не успели принять участия в "Чарнобыльском шляхе". Задержанные обратились в ПЦ "Вясна-96". В заявлении Аляксандра Унгура говорится: "Я был задержан сотрудниками милиции около Академии наук вместе с В.Бруцким, А.Сецька, Ю.Меляшкевичем (несовершеннолетний), С.Мацкойцем, Л.Амбразевичем (несовершеннолетний), А.Лазарчык и М.Куниной (несовершеннолетняя). Среди сотрудников милиции были Якубович, Филипович и Цимохав. Нас обвинили в "несанкционированном сборе" и отвезли в Советский РОВД, где продержали более трех часов без составления протоколов (кроме Мацкойця). Нас подвергли психологическому давлению, издевались и унижали наше человеческое достоинство". Одна из задержанных, шестнадцатилетняя Марыя Кунина, засвидетельствовала следующее: "Мы стояли около кинотеатра "Октябрь" с целью дождаться людей, которые могли прийти, прочитав провокационные листовки с призывом идти на "Чарнобыльски шлях" от Академии наук. Мы хотели организованно, без эксцессов и провокаций довести их на разрешенный Мингорисполкомом митинг на площадь Якуба Коласа". После окончания акции задержанные были освобождены.

В ночь с 25 на 26 апреля неизвестными был ограблен предвыборный штаб кандидата в президенты Михаила Чыгира.

26 апреля лидер профсоюзного движения предпринимателей г.Гродно Валеры Леваневски был осужден на 13 суток административного ареста за то, что несколько предпринимателей, которым запретили проведение собрания по вопросам сертификации в закрытом помещении, попытались в приемный день попасть к заместителю председателя горисполкома госпоже Лавцель. Ничего политического, по словам Леваневского, там не было: ни плакатов, ни выступлений. Когда В.Леваневски поинтересовался, почему людей не пускают в здание горисполкома, его обвинили в организации митинга и составили протокол. В.Леваневски утверждает: "Решение суда было известно до моего похода в исполком. 13 суток – это ровно столько, сколько нужно, чтобы изолировать меня на время возможного приезда президента Лукашэнка в Гродно. Это чистая провокация".

В апреле заместителем прокурора г.Гомеля Валерыем Фурсом было возбуждено уголовное дело по ст. 188, ч. 2 УК РБ (воздействие на сотрудника милиции с целью помешать исполнению им служебных обязанностей) в отношении бывшего министра внутренних дел Беларуси Юрыя Захаранка, который сейчас является координатором по Гомельской области в штабе кандидата в президенты РБ М.Чыгира. Уголовная статья, по которой возбуждено дело, предусматривает исправительные работы сроком до одного года или штраф. Объявлен республиканский розыск Ю.Захаранка. Сам Ю.Захаранка о возбуждении уголовного дела не знал, и в прокуратуру его не вызывали.

В апреле на 10 млн. руб. оштрафован руководитель Брестской инициативной группы по созданию филиала ПЦ "Вясна-96" Уладзимир Вяличкин. Его осудили за проведение несанкционированного пикета. 21 февраля Вяличкин с плакатами "Нет – союзу" и "16 мая – выборы президента" был задержан сотрудниками милиции на брестском вещевом рынке. Против его возбудили дело по ст. 167, ч.1 КоАП РБ. Решение о штрафе в размере 20 минимальных зарплат было вынесено только после четырех судебных заседаний.

29 апреля суд Советского района г.Минска вынес предупреждение Галине Куниной – участнице антиядерной акции 2 апреля. В тот день Г.Кунина была избита неизвестными лицами в штатском и 10 дней провела в больнице.

Игра в отписки

(Начало на стр. 5)

1997 год. В ответ УВД Витебского облисполкома сообщило, что материалы для рассмотрения отосланы в соответствующую комиссию при областном Совете народных депутатов, откуда и нужно ожидать ответа. Вновь получился замкнутый круг. Нет, из комиссии, конечно, ответили, даже послали письмо председателю Полоцкого райисполкома Макаранка – в письме этом от Евфрасиньи Гукавой потребовали прислать какой-нибудь документ, который бы доказывал, что она действительно является дочерью репрессированного Амбросия Зуева.

Одновременно комиссия потребовала от УВД Витебского горисполкома документы, которые бы подтвердили, что имущество у семьи Зуевых на самом деле отбиралось. Словно Евфрасинья Гукава не имела уже на руках вышеупомянутый документ, где черным по белому было написано, что факт разграбления большевиками имущества имел место, и попало затем это имущество в конкретный колхоз (который сегодня, кстати, прекратил свое существование)!

Наконец, в прошлом году комиссия по делам жертв репрессий решила поставить точку в этой истории. Она прислала Евфросинье Гукавой письмо, в котором, признавая (на основании показаний свидетелей, а не документов, которые то ли не сохранились, то ли не искались) факт большевистского грабежа, напоминала, что, оказывается, на самом деле, гражданка Гукава все свое уже получила: 16 февраля 1995 года в Полоцкий райисполком было направлено постановление о выплате ей компенсации за конфискованное имущество в размере… десяти минимальных зарплат.

И еще один интересный момент: как-то прийдя со своей бедой в райисполком, Евфрасинья Амбросиевна случайно узнала, что она, как жертва, оказывается, еще и получила какую-то помощь в 120 тысяч рублей, о чем имеется ее "собственноручная" подпись в журнале. Понятно, подписи своей женщина не узнала и узнать не могла… Это ее очень поразило – деньги, конечно, небольшие, но ведь не в деньгах дело.

Как за последнюю надежду ухватилась пожилая женщина за возможность написать письмо в администрацию президента. Ответ пришел быстро и на значительно лучшей бумаге, чем все предыдущие. В нем говорилось, что ее жалоба направлена… конечно же, в Витебский облисполком.

Недавно оттуда по телефону Евфрасинье Гукавой сообщили, что ее дело пересмотрено и оснований для изменения решения о компенсации не найдено. Тем самым дали окончательно понять, что надеяться ей не на что.

… Маленький домик Евфрасиньи Амбросиевны, что приютился на окраине деревни Зеленка, в нескольких километрах от родных Жарцев, делает не слишком оптимистическое впечатление. Как-то сразу чувствуется, что о благосостоянии тут говорить не приходиться. Дети Евфрасиньи Гукавой, которые приехали к ней на праздник (было 8 марта), также не скрывали того, что живется им материально трудно. Все это само собой сняло вопрос – почему же так упорно Евфрасинья Амбросиевна добивается возвращения того, что государство когда-то отобрало у ее семьи. Но никто уже в восстановление справедливости не верит. Как грустно пошутила ее дочь, даже с немецкой стороны легче получить компенсацию за давнишние военные страдания, чем дождаться, пока власти собственной страны попытаются ответить за некогда совершенное преступление.

Цина ПАЛЫНСКАЯ

От редакции:
Исследователь Уладзимир Адамушка в книге "Политические репрессии 20-50 годов на Беларуси" утверждает, что только с 1931 по 1934 год в Беларуси были раскулачены и вывезены за пределы республики более 260 тысяч человек. Всего же за 20-50-е годы количество репрессированных составляет свыше 600 тысяч человек…

Аляксей Шыдловски

Восемнадцать месяцев в аду

Следующие семь суток прошли почти без допросов: все это время допрашивали Вадзима Лабковича. Зато в мою камеру подсадили "подставного", который безуспешно пытался меня раскрутить.

На десятые сутки в присутствии моего первого защитника Арсения Скарулиса мне предъявили официальное обвинение. Оно содержало ту же информацию, что и ранее, но слова о чести и достоинстве президента – исчезли. Согласно закону, теперь я должен был быть отправлен в следственный изолятор города Жодино, но милиционеры решили поиспытывать мои нервы еще и не заказывали на меня "этап". В конце концов мои нервы сдали, и на 12-е сутки отсидки, 6 сентября, я объявил сухую голодовку. Через час ко мне присоединился Вадзим Лабкович. Мы требовали немедленного освобождения и прекращения уголовного дела. Милиционеры же не нашли ничего лучшего, как подсадить в камеру провокатора, который все время получал передачи и настойчиво предлагал угоститься чем-нибудь. Больших усилий мне стоило отказаться от соблазна.

10 сентября, на 16 день отсидки и четвертый день голодовки, мы с Вадзимом узнали, что завтра нас отправляют этапом в следственный изолятор в Жодино, официальное название которого – УЖ 15/138. Тогда Вадзим прекратил голодовку, я же решил продолжать ее до победного конца.

Столбцовский изолятор временного содержания мы покинули 11 сентября.

III. В когтях "Черного Аиста"

Во второй половине нас с Лабковичем посадили в "автозек" – бронированный автомобиль для перевозки заключенных из города в город. Внешне напоминает он автомобиль, в котором обычно возят хлеб. Внутри разделен на отделения, в самом большом из которых сидят двое вооруженных милиционеров, остальные отделения называются: "лодка" (рассчитан на двоих), "стакан" (их два, рассчитаны на одного заключенного каждый), "общий" (рассчитан на 8 человек). Таким образом, максимальное количество перевозимых зеков должно составлять не более 12 человек. Когда же мы с Лабковичем зашли в это "такси", там уже находилось более двух десятков заключенных. Духота, вонь, теснота и качка, от которой все время бьешься головой о железный потолок. Где-то в середине пути Вадзима, который находился в общем отсеке, начало тошнить. Я же по-прежнему находился на голодовке, и поэтому тошнить мне было просто нечем, кроме желудочного сока. Ехали не менее 4 часов и когда проехали тюремные ворота, казалось – самое страшное уже позади, но самые большие ужасы ожидали нас впереди.

Охранники Жодинского изолятора,

Аляксей ШЫДЛОВСКИ

высадив из "автозека", заставили нас всех бежать по коридору до "приемного покоя", что сделать после такой поездки было непросто. Многие падали и сразу же получали удары ногой в живот.

Уже в покое, который весь был обложен кафелем (потом я понял, что это для того, чтобы легче смывалась кровь), нас выстроили вдоль стены и приказали не поворачиваться. Любопытство победило, и я оглянулся, чтобы посмотреть, что делается вокруг. Через мгновение два тяжелых удара по спине и ногах бросили меня на пол, и я услышал почти рев: "Я же тебе приказал не поворачиваться!" Пришлось подняться и, качаясь от изнеможения (все же пятые сутки голодовки), уткнуться лбом в стену. А за спиной, видно, появился начальник смены, так как вся охрана перешла с "ты" на "вы". Тем же ревом было сделано официальное сообщение (цитирую): "Вы прибыли в Жодинский централ "Черный Аист". Здесь вы – не люди, и мы сделаем все, чтобы вы почувствовали это. Без команды – не поворачивать даже головы, двигаться только бегом с заложенными за спину руками, держать расстояние два метра один от другого. Если к вам обращаются – отвечать целиком ФИО, дату рождения, родителей, жен, статьи, по которым содержитесь под стражей. Предупреждаю – за запинку будем бить, за разговоры между собой – будем бить. Если кто вздумает спорить, живым до камеры не дойдет! Начали!.."

И тут начался прием. Начальник смены называл фамилию, а заключенный, которого вызывали – выходил и говорил свои данные. От волнения почти все сбивались, и их жестоко били. Когда дошла очередь до Вадзима Лабковича, начальник смены сделал сообщение:

— Внимание! Сегодня на этапе – бэнээфовцы, любители срывать флаги. Отнеситесь к ним со всем вниманием, пожалуйста!

Дальше я услышал, как Вадзима несколько раз ударили (было слышно, как он упал), за что его сразу же "перетянули" еще несколько раз резиновой дубинкой. После этого его повели.

Меня вызвали среди последних. Прежде чем назвать свои данные, я посчитал необходимым сообщить, что я на голодовке. Лицо милиционера покраснело, и он нанес мне два удара в грудь. Я удержался на ногах и попытался без запинки назвать свои данные. На статьях уголовного кодекса меня замкнуло, и со всех сторон посыпались удары кулаками, так что я упал и ударился лбом о пол. Сначала проснулась необъяснимая злоба, хотелось просто броситься на охранников, но они, видно почувствовав это желание, отошли на пару метров, дав мне возможность подняться.

— Так что, флаги любишь? А ну, ребята, нарисуйте ему на спине флаг!

Милиционеры выстроились цепью по обе стороны коридора, по которому мне нужно было пробежать, и достали дубинки. Собравшись с силами и благодаря занятием спортом, я рванулся и пробежал так, что ни одна из резиновых дубинок не зацепила меня. Но радоваться было рано: мне приказали вернуться и снова пройти тем же маршрутом – теперь медленно, шагом. После этого "путешествия" на спине действительно появился бело-красно-белый флаг, который назавтра изменил красную полосу на коже на сине-черную. Чуть "доковыляв" до "отстойника" (камера, где заключенных содержат до рассортировки по другим камерам), я в изнеможении упал на руки зеков, которые помогли мне не потерять сознания. В глазах было черно, и когда через пять минут меня вызвали на анализ крови, я шел, не видя ничего перед собой. Около медкабинета я облокотился руками о стену, за что тут же получил несколько ударов по почкам, и это было последнее, что я помню. Далее, по рассказам будущих сокамерников, я мешком свалился на пол, и, несмотря на удары сапогами, уже не поднимался. Выбежали врачи и под руки затащили меня в кабинет, положили на кровать. Время от времени из кабинета доносились крики: "Пульс не прощупывается! Давление падает! Колите скорее!"

Как я узнал потом от доктора, у меня просто остановилось сердце. Где-то через час я пришел в сознание и увидел перед собой человека в белом халате, который сказал мне: "Шыдловски, я о вас читал, выходите скорее из голодовки, иначе через неделю вас тут похоронят", — повернулся и пошел, но, увидев, что рядом никого нет, прибавил: "Шестого сентября был съезд Молодого Фронта! О вас помнят! Держитесь!"

Больше я этого доктора не видел, но до сих пор благодарен ему за те несколько слов поддержки, которые я впервые услышал с начала срока.

Потом до 4-х часов утра мне кололи что-то в вену, давали нюхать нашатырь и били по щекам. Затем пришел начальник медчасти и спросил, буду ли я продолжать голодовку. Услышав "Нет", приказал: "Все, в больницу его".

Меня еще сводили, чтобы снять отпечатки пальцев, сфотографировать, а затем под руки повели в камеру госпиталя.

(Продолжение следует)

(Продолжение. Начало в №31)

Право на свободу. Бюллетень Правозащитного Центра "Вясна-96".
Выходит два раза в месяц на беларусском, английском и русском языках. Тираж 299 экз.
Адрес редакции: 220007 Минск, а/я 88, E-mal:rights@v96.open.by Редактор Алесь БЯЛЯЦКИ.
Перепечатка – только со ссылкой на бюллетень "Право на свободу".

В номере использованы рисунки А.Карповича фотоснимки из архива Центра "Вясна-96"